

На правах рукописи

Всфз

Воронова Елена Васильевна

**Мифология повседневности
в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг.
(на материале мемуаристики)**

24.00 01 Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
культурологии

Киров – 2007

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»
на кафедре культурологии и рекламы

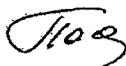
- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Осипова Нина Осиповна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Липин Сергей Александрович
кандидат культурологии, доцент
Ерохина Татьяна Иосифовна
- Ведущая организация:** Московский гуманитарный университет

Защита состоится 15 ноября 2007 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора философских наук, доктора культурологии при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу 610002, г Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Автореферат разослан « ____ » октября 2007 г

Учёный секретарь
диссертационного совета

Поспелова Н И

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено мифологическим аспектам повседневной культуры русской эмиграции «первой волны», реконструированным на материале мемуарных источников

Актуальность диссертационной работы связана с возросшим интересом современной гуманитарной науки к повседневности как тексту культуры и в целом с потребностью в осмыслении и утверждении человека, его частного мира как культурной ценности. Генетически обусловленный «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет), «восстанием возвышающейся обыденности» (П. Козырьков), демократизацией и массовизацией культуры, интерес к повседневности как культурно значимому феномену в настоящее время заявляет о себе все настойчивее. Обыденное начинает выступать в качестве объекта междисциплинарных исследований: философии, истории, социологии, филологии, семиотики, эстетики, психологии, искусствознания и культурологии. В гуманитаристике формируется новая область знания – «повседневноеведение» (Д. Лелеко)

Кроме того, тема исследования соответствует усиливающейся потребности современного зарубежного и отечественного гуманитарного знания в более глубоком осмыслении феномена русского рассеяния в тех его сферах, которые не становились предметом специального внимания. Не случайно в конце XX века культура эмиграции «приравнена в своём признании к делам государственной важности» (И. Толстой). Различным её аспектам посвящены многочисленные научные работы, конференции, теле- и радиопередачи, сайты, рассекречиваются архивы, переиздается и печатается впервые богатейшее наследие диаспоры, формируются коллекции искусства. Однако понимание уникальности культуры русской эмиграции только начинается – не сразу преодолеваются как идеологические стереотипы в восприятии диаспоры, так и неуместно восторженные и «залакированные» оценки, а также сложившиеся в среде эмиграции идеализированные мифы о самих себе. Представленное в диссертации культурологическое исследование повседневности русского зарубежья поможет более глубокому осмыслению феномена эмиграции не только «первой волны», но и эмиграционных/миграционных процессов конца XX – начала XXI в с их достаточно мощным культурным потенциалом

В обозначенном контексте изучение повседневной культуры на материале мемуарных источников соответствует пристальному вниманию лично-стотно-ориентированной гуманитаристики конца XX – начала XXI в к автодокументальным жанрам как «инструменту реконструкции» событий внешней и внутренней жизни человека (в связи с все возрастающей потребностью человека в автокоммуникации)

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время накоплен достаточно обширный материал в сфере исследования повседневной культуры русской диаспоры. Анализ всего круга научных трудов, связанных с изучением повседневной культуры, в том числе и в мифологиче-

ском измерении, свидетельствует о том, что вектор поиска направлен, прежде всего, на художественные произведения (Л Бадертдинова, Е Васильева, Е Вахренко, С Габдулина, Т Ковалёва, М Маслова, Б Носик, О. Фещенко¹), дневники (Е Коркина, Н Лапаева, И Серебренников, И Шевеленко, М. Шемякина, С. Шумихин²) и эпистолярное наследие (Н Богомолов, Р Дэвис, Л Ливак, Л Мнухин, Г Савина, В. Терехина, Э Хейбер³) Кроме того, в последнее время в связи с публикацией архивов диаспоры выходят работы описательного характера (А. Зверев, Е Менегальдо, Н Старосельская, В. Швейцер⁴). В качестве объекта исследования в них выступает либо повседневная жизнь эмигрантов, рассмотренная сквозь призму автобиографических фактов, либо описание различных сторон жизни центров русского рассеяния – Русской Праги, Парижа, Берлина, Белграда, Харбина и др.

Содержание работ, посвящённых изучению мемуаров русского зарубежья, охватывает исторический (историческая реконструкция процессов исхода и интеграции в инокультурную среду – Н Аблажей, М Косорукова), филологический (анализ поэтики и жанра, особенностей литературного быта, жизненного и творческого пути писателей, художественного хронотопа – О. Демидова, Е Кириллова, Т Мегрешвилли, Е. Снежко, Э. Резник), психологический (выявление особенностей психологической адаптации и культурной идентификации изгнанников – Е. Салганик), социологический (анализ миграционных процессов, правового положения апатридов, условий жизни и жизненных стандартов, рабочей биографии, наркомании и преступности и пр.) и культурологический (изучение культурологии личности отдельных эмигрантов) ракурсы⁵

Некоторые вопросы эмигрантской обыденной культуры затрагиваются исследователями в историко-культурных комментариях к воспоминаниям Среди работ такого плана особое место занимают исследования В Александрова, О Демидовой, М Каназирской, Л. Мнухина, Т Пищиковой, И Со-

¹ См., например Васильева Е В Автобиографическая проза В В Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak Memoгу» Дис канд филол наук – Томск, 2005 – 230 с., Вахренко Е Е Концепция времени и пространства в автобиографической прозе А. М. Ремизова 1920–1950-х гг Автореф дис канд филол наук – Улан-Удэ, 2007 – 24 с., Носик Б М Сентиментальные и документальные истории Парижа – М., 2006 – 374 с

² См., например Серебренников И И Китай и русская эмиграция в дневниках И И и А Н Серебренниковых, 1919–1934 – М., 2006 – 446 с., Шемякина М К Человек и мир в дневниках И А Бунина и М М Пришвина Дис канд филол наук – Белгород, 2004 – 236 с

³ См., например Ливак Л Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора Новые материалы Вып 4 – СПб., 2002 – С 391–456, Савина Г А «Пусть барахтаются» К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора Новые материалы Вып 3 – СПб., 2002 – С 293–410

⁴ Зверев А М Повседневная жизнь русского литературного Парижа 1920–1940 гг – М., 2003 – 384 с., Менегальдо Е Русские в Париже 1919–1939 / Пер с фр Н Поповой, И Попова – М., 2001 – 248 с., Старосельская Н Д Повседневная жизнь «Русского Китая» – М., 2006 – 373 с., Швейцер В А Быт и бытие Марины Цветаевой – М., 2002 – 591 с

⁵ См., например Демидова О Р Эстетика литературного быта русского зарубежья (на документальном материале русской эмиграции 1920–1960 гг) Автореф дис д-ра филол наук – СПб., 2001 – 48 с., Снежко Е В Поэтика мемуарного и автобиографического повествования в прозе И А. Бунина эмигрантского периода Дис канд филол наук – М., 2005 – 173 с., Резник Э Р «Поля Елисейские» В С Яновского как феномен русской мемуарной прозы XX в художественная специфика хронотопа памяти Дис канд филол наук – Омск, 2006 – 155 с

ловьевой, Л Турчинского и др.¹ В них осуществлены серьёзные наработки в реконструкции «элементарной базовой деятельности человека, которая встречается повсеместно и масштабы которой фантастичны» (Ф Бродель) в содержании комментариев к мемуарам имеются важные для диссертационного исследования материалы о быте, образе жизни, обычаях и традициях, привычках и ритуалах ежедневного поведения, определяющих распорядок дня, о характере труда и отдыха, внутрисемейных отношениях диаспоры. В то же время комментарии в силу жанровых особенностей, как правило, ограничены уточнением и раскрытием фактологических данных, оставляя в стороне их анализ, и потому не дают целостного представления о повседневной жизни русского зарубежья.

Анализ научного материала показывает, что, несмотря на обилие работ по данной теме, мифология обыденной культуры в воспоминаниях рассеяния практически не исследована, многое в ней остаётся непрояснённым. Очевиден дефицит целостных исследований повседневной жизни эмиграции, в том числе на уровне ее рефлексии в сознании и реконструкции в памяти. Материал для подобной реконструкции, основу которой составляет мифологизация повседневности, и предоставляют мемуары.

Объектом диссертационного исследования является культура повседневности русской эмиграции «первой волны» (1917–1939 гг.)

Предмет исследования – мифологические аспекты повседневной культуры русской эмиграции

Цель работы заключается в исследовании форм и способов мифологизации повседневной культуры русской эмиграции 1917–1939 гг. в мемуарной ретроспективе.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач:

- представить культуру эмиграции как совокупность текстов, объединяющих различные сферы человеческого бытия – повседневность, искусство, религию, идеологию, науку, общественную деятельность и пр.,
- выявить генезис, типы и формы проявления «эмигрантского мифа» в повседневном сознании и жизни русской диаспоры,
- рассмотреть в контексте мифологических характеристик феномен «преодоления» повседневности как быта через иррациональные и празднично-игровые сферы культурного сознания (сновидческое пространство, выход за рамки нравственно-этических норм, пространство игры/праздника и др.);
- охарактеризовать мифосемиотический комплекс восприятия эмиграцией пространства повседневности и рассмотреть их проявление в наиболее репрезентативных знаковых доминантах (граница, дом, средства передвижения и др.),

¹ См., например: Александров В. А. Комментарии // Диаспора. Новые материалы. Вып. 4 – С. 153–156, 159–162, 170–177, 180–181, Пищикова Т. В. Примечания // Хаиндрова Л. Ю. Сердце поэта – Калуга, 2003 – С. 25–28, 185–186, 327–336, 391, Соловьёва И. Примечания // Диаспора. Новые материалы. Т. 1 – С. 88 – 94

- на основе анализа мифологизированного восприятия времени повседневности раскрыть особенности темпоральных моделей повседневного сознания русского зарубежья.

Источниковую базу составляют мемуары творческой части русской диаспоры поэтов и прозаиков, художников, танцовщиков, театральных деятелей, певцов Н Берберовой, А Бахраха, И Бунина, В Варшавского, А Вертинского, М Вишняка, М Германовой, Р. Гуля, А Дон Аминадо, Б Зайцева, Г. Иванова, С Маковского, Г Махровой, В Набокова, Л Нелидовой-Фивейской, И. Одоевцевой, М Осоргина, В. Павловой, Е. Попдимитрова, А Ремизова, Ю Терапиано, И Тинина, Н Триполитова, В Ходасевича, М. Цветаевой, Ф Шаляпина, З Шаховской и др

Фон исследования составили также материалы мемуаров философов, религиозных деятелей, врачей, шоферов, рабочих, детей и др

Исследование культуры повседневности творческой эмиграции дополняется введением в контекст диссертации писем, дневников, записных книжек, газет и журналов русской диаспоры, интервью, анкет, художественного наследия, литературно-критических статей и докладов, а также «одного из самых живучих жанров повседневных коммуникаций» (И Манкевич) – анекдотов эмигрантов о самих себе

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1917–1939 гг и обусловлены тем, что именно в этот период происходило формирование культуры русского зарубежья. после революционных событий 1917 г. (и особенно гражданской войны) начался массовый исход русских за границу, к 1939 г процесс интеграции этой «волны» в инокультурную среду практически завершился В то же время при анализе воспоминаний представляется оправданным выход за хронологические рамки и исследование повседневной жизни изгнанников более позднего периода

Теоретическую основу диссертации составляют труды, представленные следующими направлениями

- исследования по теории повседневности и методологии ее изучения (труды зарубежных ученых Ф Арьеса, М. Блока, Ф. Броделя, Ж Ле Гоффа, Л Февра – представителей школы «Анналов», Р Барта, И Гофмана, Э Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Шютта, а также отечественных – М Бахтина, Е Золотухиной-Аболиной, Л Ионина, И Касавина, Г Кнабе, В Лелеко, Ю Лотмана),

- исследования в сфере теории текстов и языков культуры (Р Барт, Ж Бодрийяр, Г Гадамер, Ю Кристева, Ч Моррис, Э Сепир, Ф де Соссюр, М. Фуко, У Эко, К Юнг; М Бахтин, Б Гаспаров, В Иванов, Г. Кнабе, Ю Лотман, А. Лосев, В Руднев, Ю Степанов, В. Топоров),

- исследования в сфере мифа и мифопоэтики (работы С Аверинцева, М Бахтина, П. Гуревича, Е Мелетинского, З Минц, И Толстого, В Топорова, Б Успенского, Н Хренова, Е. Яковлева),

- исследования в сфере культурных дискурсов (Й Хейзинга, Ф Шлейермахер, М Малкольм, И. Кондаков, Л Абрамян, К Жигульский, Н Иониной, И Морозов)

Методологическая основа исследования обусловлена комплексным характером исследования и опирается на системный, структурно-семиотический, герменевтический, сравнительно-аналитический, биографический методы, а также элементы психоанализа, дискурсивного анализа и реконструкции при обращении к мемуарным источникам

Научная новизна диссертационного исследования определяется малоизученностью избранной проблемы и заключается в целостном осмыслении повседневной культуры русской эмиграции «первой волны» в контексте мифосознания, что позволило впервые

- представить опыт комплексного исследования морфологии повседневности в аспекте ее мифологической составляющей;
- с опорой на мемуарные источники и обширный документальный материал охарактеризовать основные мифологемы повседневности и их репрезентацию в разных сферах жизни эмигрантов,
- проанализировать фундаментальные пространственно-временные характеристики повседневного сознания русской диаспоры.

Основные положения, выносимые на защиту

1 Культура русской эмиграции «первой волны» представляет собой совокупность взаимосвязанных текстов, знаково-символический комплекс которых позволяет восстановить картину мира диаспоры. В рамках этой культуры первичным, безусловным, базовым является текст повседневности, сопряженный в своем функционировании с текстами искусства, религии, идеологии, науки и пр. Кардинальные сдвиги в сфере повседневности, связанные с изгнанием, привели к изменению диалога между текстами культуры русского зарубежья, разрушению и смещению границ повседневного и «внеповседневного». Характерной чертой быта/бытия русской диаспоры стала жизнь в «мутированной» (И Касавин) обыденности.

2 В ситуации изгнания актуализировались мифологизированные типы самоидентификации творческой интеллигенции, отраженные в четырех составляющих «эмигрантского мифа». Эмигрант как Теург, созидающий мир по законам прекрасного, эмигрант как Мессия; эмигрант как последний Представитель, Хранитель и Продолжатель русской культуры, эмигрант как «страдающий гений», творящий «вопреки мучительному быту» (З Шаховская). Реализация мифологизированных представлений на бытовом уровне приобретала искаженные черты: конфликт идеальных устремлений творческой элиты и «возможностей» эмигрантской повседневности носил трагическое звучание.

3. Процесс болезненного разрушения-распада повседневности и стремление к ее гармонизации и выходу за её границы определили обращение эмигрантов к иррациональным или «масковым» формам сознания (сновидческому, галлюцинирующему, празднично-игровому), что нашло отражение в мифологизации «образа страдающего тела» (знаки болезни, телесных мучений и др.)

4 Локусом обиденной жизни диаспоры стала дестабилизирующая и дезориентирующая маргинальная зона «непринадлежности» и окраинности, сфера между Россией и не-Россией – Своим и Чужим миром. Маргинальное сознание эмиграции определило особое – мифологизированное – восприятие пространства, что в знаково-смысловом поле мемуаристики выразилось в виде повышенного интереса к знакам-символам «пограничья», «рубежья», «распутья», «перекрестка», порога между пространством и «не-пространством» (В Топоров), мифологизации обиденных реалий, связанных с местом и средствами передвижения (вокзала, корабля, поезда, такси).

5 Переживание изгнания как потери дома способствовало повышению семиотического статуса этой пространственной мифологеми: за рубежом, с одной стороны, актуализировались архетипические представления о доме, приобретаая новое звучание (*дом* как защита, крепость, *дом* как семья/биологический род, *дом* как храм, *дом* как Родина), а с другой – формировались новые пространственные модели (кафе, клубы, редакции, общественные организации как символы «домашнего космоса»)

6 Повседневное восприятие времени в среде русской диаспоры отличалось от времени «привычной нормативной повседневности» (В Лелеко). В ретроспективном дискурсе мемуаров нашли отражение три (условно выделяемых) мифологизированных темпоральных модели: циклическая (В. и И Бунины, З Гиппиус, А Гречанинов, Д. Мережковский, В. Ходасевич, М Цветаева), модель «остановившегося» времени (Б Божнев, Г Газданов, Б Закович, Д Кнут, А Ладинский, А Несмелов, Б. Поплавский, Г. Раевский, В Смоленский, Ю Софиев, Ю. Фельзен, Л. Червинская, А Штейгер, В Яновский) и «время апологии мгновения» (Н Берберова, А Дон Аминадо). Изменение временной оси координат способствовало закреплению в эмигрантском сознании представлений о значимости собственного личного существования и в то же время свидетельствовало о болезненном состоянии русского рассеяния.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в расширении концептуально-методологического ракурса изучения культуры в обращении к повседневной культуре как системе, а также в построении мифосемиотической модели восприятия, интерпретации и анализа текста повседневности.

Практическая значимость работы обусловлена её междисциплинарным характером и состоит в том, что результаты исследования могут быть полезными для историков, социологов, психологов, филологов и других специалистов, изучающих функционирование русской диаспоры в различных странах мира и на разных исторических этапах. Отдельные наблюдения могут быть использованы для изучения эмиграционных и миграционно-адаптационных процессов в их повседневном проявлении. Материалы диссертации могут быть положены в основу учебного курса «История повседневности», разделов курсов по истории и теории культуры и литературы, философской и культурной антропологии, перспективной видится разработка междисциплинарных спецкурсов по проблематике диссертационного исследования.

Апробация работы Основные положения диссертационного исследования были представлены на научных конференциях в Москве («На рубеже эпох. стиль жизни и парадигмы культуры» – 2005 г, 2006 г; «Ценности общества и ценности интеллигенции» – 2006 г.), Кирове («Повседневность как текст культуры» – 2005 г, «Культурологические штудии» – 2005 г, 2006 г) и изложены в 7 научных публикациях Текст диссертации обсуждался в Вятском государственном гуманитарном университете на кафедре культурологии и рекламы

Структура и объём диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей 328 наименований Общий объём работы – 175 страниц

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, рассматривается степень её изученности, определяются цели и задачи, методологическая основа исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы

В **I главе** – «**Специфика повседневности в культурном сознании русской эмиграции**» – рассматриваются условия, причины и истоки мифологизации в эмоционально-чувственной рефлексии эмиграции реалий повседневной жизни

Раздел 1.1. «Культура эмиграции как совокупность текстов: теоретические предпосылки исследования» носит теоретический характер и посвящен рассмотрению проблемы повседневности как текста культуры

По мнению диссертанта, культура эмиграции «первой волны» – это совокупность текстов, складывающаяся из целого спектра взаимосвязанных систем, представляющих различные сферы человеческого бытия В рамках этой культуры первичным, безусловным, базовым является текст повседневности, сопряженный в своем функционировании с текстами искусства, религии, идеологии, науки и пр В соответствии с пониманием текста в исследованиях тартуско-московской школы, повседневная культура эмиграции определяется диссертантом как текст на основании наличия системы взаимосвязанных культурных кодов, обусловленных онтологией изгнания (пространственных, предметно-функциональных, чувственных и т. д.) На чувственно-эмоциональном уровне система кодов может реализовываться в таких культурных оппозициях, как свое/чужое, звук/беззвучие, слепота/зрение, дом/бездомье, дорога/бездорожье, знаки телесного кода (боль, мучения, раны), пространства (лабиринт, пустота), времени (в том числе и времени года), одористические характеристики и т. д.

Кардинальная ломка повседневности в ситуации изгнания сопровождалась изменением диалога между текстами культуры Границы между повседневностью и творчеством, повседневностью и религией, религией и искусством и пр разрушались или смещались Отличительной особенностью

каждодневной жизни в изгнании стало существование русской эмиграции в «мутированной» (И Касавин), отличной от «привычной нормативной» (В Лелеко) обыденности

Текст повседневности, его диалоговое взаимодействие с «небудничными» сферами культуры эмиграции нашли отражение в художественном творчестве, личной переписке, дневниках и воспоминаниях русской диаспоры. В связи со спецификой мемуарной литературы (ее ретроспективностью и связанной с этим крайней субъективностью) в ней значимы не только восстановление событийной канвы, исторических дат, но и факт их переживания (культурно-психологический фактор). Мемуары, не отличаясь строгостью объективно-документальной фиксации событий (они могут смещаться во времени, путаться и меняться местами), точно передают эмоционально-чувственное переживание повседневности, что позволяет говорить о мифологии повседневности.

В разделе 1.2. «Мифологизм как особенность ценностных ориентаций эмиграции» выявляются мифологизированные типы самоидентификации эмигрировавшей русской интеллигенции, определяющие направленность повседневных ориентаций, и раскрывается своеобразие их реализации в быту.

По мнению диссертанта, воздействие на характер повседневной жизни рассеяния оказали мифологизированные типы самоидентификации творческой интеллигенции, отраженные в четырех составляющих «эмигрантского мифа»: эмигрант как Теург, созидающий мир по законам прекрасного, эмигрант как Мессия, эмигрант как последний Представитель, Хранитель и Продолжатель русской культуры; эмигрант как «страдающий гений», творящий «вопреки мучительному быту» (З. Шаховская).

Представление о художнике-теурге, сформировавшееся в символистском контексте, в новом культурном пространстве «опрокидывалось» в суровый, неслаженный беженский быт. В результате выстраиваемые русской интеллигенцией «высокие» образы богоподобных творцов в повседневном эмигрантском пространстве стали восприниматься в искаженном виде. Художники, в культуре Серебряного века опережавшие жизнетворчеством ход времени, в изгнании оказались несовременными, «ушибленными настоящим» (Н Берберова), о чем свидетельствуют воспоминания В Ходасевича, М Цветаевой, И Северянина, З Гиппиус, Д Мережковского, Н Петровской, Г. Иванова.

В соответствии с логикой мессианской миссии изгнание осмыслялось как способ сохранить великие традиции русской культуры, а мучения ассоциировались со страданиями духовного избранника Иисуса Христа. Замена налично-бытийной роли бесправного беженца на идеально-желаемый инвариант христосоподобного Творца воплощалась в культивировании нездорового, ущербного, деформированного телесного пространства, искаженно выражавшего мученическую телеснодуховность Сына Божьего, и в повсеместно совершаемых самоубийствах, которые уродливо реализовывали испуци-

тельную жертвенность Иисуса. Иными словами, эмигранты, будучи не в состоянии преодолеть болезненное состояние от тягот повседневной жизни, «легитимизировали» его в собственном сознании, придавая ему личностно-значимый смысл: бессонница, сугубо интимные болезни, алкоголизм, тяга к наркотикам, предсмертные агонические страдания и самоубийства обсуждались в гипертрофированном виде с медикопрофессиональными подробностями почти всеми авторами мемуаров. Публично обсуждаемые муки переживались соматическим сознанием рассеяния как высшая степень жертвенности, подлинное нравственное начало.

Складывающийся за рубежом миф диаспоры о себе как единственной спасительнице исчезающего духовного русского своеобразия способствовал тому, что если на рубеже веков в России часть интеллигенции пыталась преодолеть однообразие традиционных форм жизнеустройства (в Башне, Подвале, политической деятельности и др.), то в изгнании произошло ее «возвращение» к традиционно-русскому быту и укладу жизни. Для эмигрантского сознания русский язык, кухня, костюм, «домашность», обычаи и традиции стали воплощением России, их ревностное и максимально бережное сохранение – делом чести каждого (об этом пишут Н. Берберова, И. Бунин, М. Германова, Р. Гуль, А. Дон Аминадо, Б. Зайцев, Г. Иванов, С. Маковский, Г. Махрова, Л. Нелидова-Фивейская, И. Одоевцева, В. Павлова, К. Парчевский, А. Ремизов, Ю. Терапиано, И. Тинин, Н. Триполитов, В. Ходасевич, З. Шаховская).

Реализация в повседневной жизни мифа о творящем вопреки всему гении сводилась к стремлению («молодых») интеллектуалов «превратить быт в трагедию», что проявлялось в культивировании нищеты, тотального одиночества и фактах «случайного самоубийства» (Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен, И. Фондаминский, Г. Раевский, Д. Кнут, А. Ладинский, А. Штейгер, Ю. Софиев, Б. Закович, В. Смоленский, Л. Червинская).

Таким образом, конфликт идеальных мифологизированных устремлений духовной элиты и «возможностей» эмигрантской бытовой повседневности обрел болезненно-трагическое звучание и в этой сфере жизни не снимался. В результате многие художники с особой остротой ощущали желание реализовать значимые представления о себе через традиционно надповседневные формы человеческого бытия, из которых главными являются творчество и религия. Не касаясь в исследовании этого, уже достаточно полно освоенного материала, диссертант останавливается на тех формах, которые располагались на границе повседневного и внеповседневного.

Раздел 1.3. «Преодоление» повседневности в мифо-культурном сознании диаспоры посвящен анализу наиболее репрезентативных способов «выхода» из повседневности через неординарные состояния ума и души – сон, игру и праздник. Введение настоящего раздела обусловлено обращением рассеяния к иррациональному вектору сознания – «окну» из разрушающейся повседневности, позволяющему избавляться от кошмаров обиденной жизни и свободно воплощать желаемые мифопредставления, реализовывать творческие силы, наиболее полно раскрывать душевные потребности.

В параграфе 131 «Иррациональный компонент обыденного сознания» рассматриваются сновиденческий и игровой векторы эмигрантского сознания

В восприятии русской интеллигенции в изгнании время сна стало более значимым, нежели «настоящая», повседневная, «бодрствующая» жизнь, что связано с эзотерическим сознанием художников «fin de siecle», неоромантическим уподоблением творчества сновиденю, фрейдистко-юнгянианским влиянием и реакцией психики на эмигрантскую повседневность

По наблюдению диссертанта, во сне воплощались нереализованные днём потребности в общении, поддержке и защите, благополучии (сны о встречах, еде, дренаже земли, покупке и приборке квартиры, об убежище в водном пространстве, саду, землянке, родовой часовне, «мире ином» – Г. Адамович, Л. Бердяева, И Бунин, Г. Иванов, А Кондратьев, С Маковский, А Ремизов, Ю. Терапиано, М Цветаева), мифологизированные представления эмигрантов о себе, а также вытесненные в подсознание болезненные переживания распадающегося «жизненного мира» (Г. Гадамер) (сны о смерти – выстреле, крови, тлении, удушении, перевоплощении в животных, холоде, черной карете, могиле и пр – Л. Бердяева, И Бунин, А. Ремизов, Ю Терапиано) Переживание и изживание в сновидении «блокированных» бодрствующей психикой ситуаций свидетельствовало о процессе разрушения сознания и о стремлении к его гармонизации

Повышенный интерес русской диаспоры к игровым формам жизни, к азартным играм (Г. Адамович, З Гиппиус, А Куприн, Б Лазаревский, И Одоевцева, А Ремизов, В. Ходасевич, М Цветаева и др) диссертант связывает с унаследованной из культуры Серебряного века традицией жизнетворчества и «ответом» эмиграции на «вызов» распадающейся каждодневности обращение к игре позволило свободно, по собственным правилам интерпретировать жизненные обстоятельства и воплощать мифопредставления.

В параграфе 132 «Русская эмиграция между праздником и повседневностью» анализируется праздничное сознание русских изгнанников

У русской диаспоры возникли собственные, отличные от стран-реципиентов и Советской России, формы праздничного сознания привычные отношения между праздничным и обыденным разрушились «Я» рассеяния выстроило нужный для осуществления «блокированных» обыденностью желаний и переживаний праздничный мир, нередко придавая статус праздничности и категориям быта

В рамках нового повседневного пространства эмигрантского сознания приобрели мифологический статус торжества-чествования классиков русской литературы, искусства и науки, а также важные события собственной жизни, юбилеи творческой деятельности, банкеты издательств, концерты, поэтические вечера, дни премьер, спектакли, балеты, выступления, художественные выставки Празднования проходили «исключительно в плоскости культурной и литературной» (Н Берберова) и сопровождалась похвалами, торжественными речами-гимнами зарубежной России самой себе и опти-

мистическими словами о будущем, что наделяло вседневность значимостью и помогало справляться с невзгодами эмигрантского быта (И Бунин, А Вертинский, Б Зайцев, С Лифарь, М Максин, А Плещеев, С Рахманинов, А. Ремизов, Ф Шалапин и пр.).

Еще одним мифом «потерянной культуры» стал русский бал, «реанимированный» в пространстве эмигрантской жизни. «Вершиной» балльных празднеств были выборы русской красавицы, воплощавшие мечту диаспоры о конце ужасов изгнания и воссоединении с воскресшей после краха большевизма Россией (А Дон Аминадо), ассоциировавшейся с матерью-женщиной-невестой. Одновременно русский бал в эмиграции представлял симбиоз высокого, торжественного и низкого, болезненного, приобретая причудливые черты русского заливчатского пира с его одурью и пьянством. С одной стороны, это являлось воплощением антиномичности русского национально-го сознания, с другой – отражало и противоречия эмигрантской жизни (Г Махрова).

Настроение праздника в зарубежье создавалось интровертированием и самой повседневности, когда бытовые ситуации наделялись дополнительным смыслом и начинали переживаться как отдушина (встречи в кафе и церкви, жизнь в редакции или общественных организациях, собрания, дружеские завтраки, обеды и ужины, слушание радио, увлечения национальной лотереей, скачками, радиостезией, рыбной ловлей, игрой в бридж, составление коллекций старых и выходящих за границу русских книг, брошюр, газет и листовок, собирание марок или вырезок из эмигрантских газет, касающихся жизни русских за рубежом, мечтания, приобретение платья, «чревугодное созерцание») (А Дон Аминадо) русской кухни, алкоголь и наркотики). Повышенная потребность повседневных событий восполняла усиливающуюся в изгнании потребность интеллигенции в психологической разрядке и достижении идеально-желаемого, пусть и через деформированные формы праздничности.

Во II главе – «Мифосемиотические аспекты хронотопа повседневной культуры русского зарубежья» – рассматривается восприятие русской диаспорой фундаментальных сфер повседневного бытия – пространства и времени. По мнению диссертанта, в начале XX века в связи с революционными событиями и изгнанием эмигрировавшей духовной элиты пришлось пережить коренную ломку привычного временного ритма и пространственной локализации, в которые человек «врос» и которые определяли доминирующие «Я-измерения» сознания личности. В результате трансформации хронотопа характерной чертой быта/бытия русской интеллигенции стала жизнь в «экстремальной повседневности», деформированной необычайными обстоятельствами вседневности.

В разделе 2.1. «Концепты пространства повседневности рассеяния» рассматривается мифологизированное восприятие разрушенного вседневного топоса рассеяния и наиболее значимые для культурного сознания эмигрантов смыслы мифологем *границы* – пространства маргинального соз-

нения эмиграции – и *дома*, который заменил исчезнувшее пространство страны, родного города, родной улицы, родного двора.

Параграф 2.1.1 «Семантика границы в системе пространственных координат русской диаспоры» посвящён анализу маргинального сознания русских эмигрировавших художников

По мнению диссертанта, изгнанные из родных просторов и не желающие ассимилироваться в культурный ландшафт стран-реципиентов, художники-эмигранты оказались на грани перехода между Россией и не-Россией, *своим* и *чужим*, то есть между «нашим», «культурным», «безопасным», «гармонически организованным» пространством и «их-пространством», «враждебным», «опасным», «хаотическим». Пограничная, переходная, маргинальная сфера, зона непринадлежности, окраинности стали локусом обывательской жизни. В маргинальном сознании интеллигенции ремифологизировались древнейшие смыслы архетипа *границы* и её разновидностей – перекрестка и распутья, выраженные в мемуаристике в мифосимволике *вокзала, корабля, поезда, такси*

В сознании изгнанников актуализировалось значение *вокзала* как опасного и дезориентирующего, деструктурирующего, разрушающего психику маргинального, пограничного пространства – «ядовитой и нездоровой атмосферы» (С Бергенсон), а также представление о вокзале-перекрестке как кресте – скрещённых костях – «конце пути», смерти (И Бунин, П. Михайлов, Н Берберова, Н Вернадская, М. Германова, Ф Завада, Л. Нелидова-Фивейская, В Павлова, Е Ратнер)

Мифологема *корабль/поезд* в мемуаристике эмигрантов включает в себя архетипическую семантику смены пространств, переправы, моста по дороге в иной мир, к смерти (символика вагона содержит значение «склепа», символика парохода – «плавающего гроба»); в знаках религиозной мифологии – семантику преисподней, места наказания отверженных ангелов, в знаках фольклорно-мифологической представленности – семантику призраков наподобие «Летучего голландца» капитана Ван дер Деккена или «Кармилхана» с Клябос-терманом-кобольдом – злым духом – на палубе (Г Адамович, М Германова, Г. Иванов, Е Менегальдо, И Одоевцева, Б. Поплавский)

В диссертации приводятся наблюдения над одним из значимых символов «мифологии переправы», связанным с профессией *шофера* (как известно, одной из самых распространённых среди эмигрантов). В мемуарах он воспринимается в нескольких мифологических коннотациях в ассоциативно-символической связи с перевозчиком душ через реку забвения в царство мертвых, в образе свободного, лихого русского, несущегося на бессмертной, «бойкой, необгонимой» (Н. Гоголь) птице-тройке – России, в образе удалого честного богатыря, бесстрашно воюющего за родную землю; в фольклорном типе сказочного Иванушки, которому помогает справиться с множеством опасных испытаний конёк-горбунок (такси) и которому «улыбается» удача (Б Поплавский); в христианизированном образе нового странника, разносящего новости по земле и объединяющего людей, и даже в облике Иисуса

Христа, спасающего всех обделённых и униженных (Г Газданов, Р. Гуль, Е. Менегальдо, Б Поплавский, А Сухих, В Успенский)

Таким образом, семантика транспортных средств, ставших в изгнании повседневным пространством, включала коннотации «катастрофичности», «гибельности», и только для некоторых эмигрантов корабль и поезд выступали символами радостных надежд и скорого обретения желаемого (Н Берберова, В Павлова). Мифология, складывающаяся вокруг *вокзала, корабля, поезда и такси*, свидетельствовала о неудовлетворенности эмигрантского сознания маргинальным повседневным пространством, о его трагическом переживании, одновременно способствуя преодолению этого переживания

В параграфе 2.1.2 «Дом как мифологема быта русского зарубежья» раскрывается мифологическое восприятие дома русской диаспорой в ситуации бездомья. Диссертант доказывает, что для эмигрантского сознания был особенно значим аспект дома, реализующийся в представлении о *доме* как крепости, ковчеге (защите, спасении); *доме* как семье и биологическом роде (гнезде, «улье», муравейнике), *доме* как братстве (храме, церкви), *доме* как Родине

По наблюдениям диссертанта, разрушение привычного пространства в изгнании сопровождалось деформацией традиционно понимаемого дома-семьи как «проживающих вместе и находящихся в родстве людей». В связи с традиционными представлениями русского человека о России как матери/любимой женщине эмиграция была воспринята интеллигенцией как разрыв с Матерью/Женой. Образ России-Матери/Жены как порождающей, плодородной «сырой земли» в изгнании был противопоставлен «пустыне» эмигрантского пространства. Комплекс «отверженного ребенка/мужа» для многих художников в эмиграции оборачивался усилением их собственного родительского инстинкта – «гипертрофией материнского элемента» (К Юнг) (М Германова, Е Кузьмина-Караваева, В Бунина) и в то же время неустроенностью личной жизни, ее невозможностью (С Бертенсон)

Анализ воспоминаний свидетельствует о том, что обострённое в изгнании чувство страха «человека без дома» (люди в эмиграции начали «теряться и от страха метаться, как загнанные звери» – М Германова) сопровождалось потребностью преодолеть болезненное состояние и осознать домашнюю защищенность через неучастие в общественной жизни стран-реципиентов (М Германова, С Бертенсон), через художественное творчество (И Бунин, М Германова, З Гиппиус, Д Мережковский, Г Иванов, Л. Неллидова-Фивейская, Б Пастернак, Б. Поплавский, А Ремизов, Ю Терапиано, Н Тэффи, В Успенский, В Ходасевич, М Цветаева и др.), через гипертрофированную потребность в чистоте жилища, возвращение ему чистого, незамутненного, здорового вида (патологическое внимание А Ремизова к подборке квартиры), через преодоление фобий в «сновидческой реальности», где часто отмечается образ дома (А. Ремизов, М. Цветаева, И. Бунин, Л Бердяева, Г Адамович, Ю Терапиано, С Маковский, Г. Иванов, А Кондратьев)

Если в дореволюционной России художественная элита подчеркивала свою избранность и отчужденность от «грубой массы», то в эмиграции в ситуации тотального одиночества она, напротив, тяготела к этой «массе», объединяющей всех русских в семью. В результате произошло расширение рамок дома-семьи: семью стали составлять не только вместе проживающие родственники, но и многочисленные русские сообщества и диаспоры, оставшиеся за рубежом верными России. В эмиграции возникли «культурные гнезда» – дома крупных писателей, общественных и научных деятелей, в которых регулярно собиралась русская интеллигенция (дом М. Горького, квартира З. Гиппиус и Д. Мережковского и дом И. Бунина). Понятие родства определялось по близости интересов – дружеских, профессиональных, общественных, о чем свидетельствует формирование многих союзов (выпускников российских университетов, шоферов и проч.). Представленные в ретроспективе мемуаров, они свидетельствуют об особых (семейных) отношениях внутри диаспоры, что, однако, не исключает многочисленных конфликтов и скандалов в среде эмиграции, весьма напоминающих семейные (Н. Берберова, И. Одоевцева, З. Гиппиус и др.).

Кроме того, изоляция творческой интеллигенции от ценностного пространственного континуума способствовала повышению значимости для эмигрантов традиционного («соборного») представления о доме как семье – братстве – церкви. Именно в условиях эмиграции отличительной чертой русской интеллигенции являлись ее православность, уцерковленность веры и повышенный интерес к проблемам религиозно-конфессиональных пристрастий эмигрантов (Б. Зайцев, Г. Махров, И. Шмелев).

В разделе 2.2. «*Темпоральные модели повседневности в культурном сознании эмиграции*» анализируются изменения темпорального сознания русской интеллигенции в эмиграции.

Диссертант доказывает, что российская диаспора, не пожелавшая жить временем Европы, противопоставила историческому времени время своего собственного сознания. Потребность в изменении временных значений была вызвана ситуацией изгнания как «выключенности» из жизни отсутствие привычного пространственно-временного континуума России и нежелание ассимилироваться к европейским, лишенным идеала, компенсировалось созданием временной оси координат, в которой личностное время обретало бы смысл. Во временной изоляции в рассеянии актуализировались такие основные (условно выделяемые) типы восприятия повседневного времени, как *циклическая модель времени*, концепция «*остановившегося*» времени, концепция *времени как мгновения*.

Анализ мемуаристики свидетельствует о том, что эмигрантскому сознанию преимущественно «старшего поколения» импонировала *циклическая модель времени* – архаическая абсолютная обращенность в прошлое своей собственной жизни (В. и И. Бунины, А. Вертинский, М. Вишняк, З. Гиппиус, А. Гречанинов, Р. Гуль, Б. Зайцев, Г. Иванов, С. Маковский, Г. Махрова, Д. Мережковский, Л. Нелидова-Фивейская, В. Ходасевич, М. Цветаева). Со-

отношение временных плоскостей оказалось равным формуле: дореволюционное прошлое – прекрасно, гармонично, идеально, настоящее – катастрофично, будущее – перевоплощенное прошлое. Не принимая сегодняшнего дня, эмигранты с циклическим восприятием времени обращали свои взоры к вечности. В результате «повышенной восприимчивости к вечности» (В. Набоков) ритм жизни художников-эмигрантов организовывался вокруг собственноручного создания непреходящих, вечных ценностей – творчества, религиозно-мистической практики, участия в масонских организациях (М Осоргин, Г Газданов)

В жизни эмиграции, ориентированной на циклическое времяощущение, переживание длительности не совпадало с общепринятыми часами. В сознании многих художников актуализировалось чувство быстротечности времени, которое они не успевали и не хотели понимать. Отсюда – частая отсылка к древнему мифу о Кроносе (Хроносе) – титане, проглатывающем своих детей. Эмигрантам казалось, что время стремительно уничтожает, «поедает» их (И Бунин, З. Гиппиус, Д. Мережковский).

Кроме того, эмигрантское сознание с циклическим «темпочувствованием» воспринимало время не как континуум, а как отношения между двумя точками, как время-событие. В системе привычного времяисчисления основу, как правило, составляли такие своеобразные отрезки жизни, как «от встречи до встречи», «от поэтического вечера до поэтического вечера», «от выступления до выступления», «от письма до письма» и пр. Таким образом, в изгнании представление об обыденном времени определялось не сменой времен года и суток – не трагическим и бессмысленным времяпроживанием, – а событиями-«сюжетами» признания и собственной идентификации.

Для сознания эмигрантов «младшего поколения» была характерна модель «остановившегося» времени (Б Божнев, Г Газданов, Б Закович, Д Кнут, А Ладинский, А Несмелов, Б Поплавский, Г Раевский, В Смоленский, Ю. Софиев, Ю Фельзен, Л Червинская, А Штейгер, В Яновский). «Молодым» в эмиграции казалось, что время не идет, не изменяется, а тянется и сжимается, «топчется» на месте, замирает. Оно словно начало терять свою концентрацию и утрачивать активность, ощущаясь как безвремяе. В мемуарах такое время выражается знаками пустоты, темноты и тишины, молчания, удушья, косности и смерти, исчезновения, сна, вневременности, беспамятуства, бездействия, богооставленности.

Между тем, как полагает диссертант, знаки «остановившегося» времени воспринимались эмиграцией в характерной для мифосознания амбивалентности. С одной стороны, пустота в мемуаристике изгнанников представляется воплощением невыносимого чувства небытия, невозвратимой потери, заброшенности и безысходности (Г Адамович, В. Варшавский, Г Газданов, Б. Поплавский, Ю Терапиано). Выброшенное в «чужое» пространство, поколение молодых словно затерялось в «черной пропасти» и исчезло, растворилось в «не-жизни», стало «незамеченным» (В. Варшавский). С другой стороны, эмигрантское сознание было ориентировано на мифологическое ощу-

щение пустоты-Хаоса как первопотенции, творящей энергии, духа, «скрытого оправдания пребывания чистых форм» (А Присманова), пустоты, свидетельствующей о реальности нематериального духовно-созидающего начала (В. Варшавский, Г Газданов, Б Поплавский) В этом же контексте отмечается представление о мраке как о начале, противоположном свету (Б Божнев, В. Варшавский, С Маковский, А Несмелов, Н Оцуп, Б Поплавский, В Яновский), и в то же время – как о части «светотьмы» (Б Поплавский) Беспросветное время переосмыслилось писателями как воплощение мирового хаоса, предшествующего рождению мира

Тенденция к переакцентировке значений *пустоты, темноты и тишины, молчания, удушья* и пр. – это способ сопротивления небытию, возможность выжить «поколению полтора» под «ударами» времени, когда «полная неприкаянность и ненужность человека в мире» стали для «молодых» «последним откровением внешней жизни», они «вдруг ощутили неожиданное преодоление какой-то невидимой преграды – медленное расщепление жизни перешло в свою противоположность» (Б Поплавский)

Для некоторых художников повседневное время в эмиграции воспринималось как *«время-мгновение»* (Н Берберова, А Дон Аминадо) В изгнании актуализировалась аксиома «“я существую” значит “я существую сейчас”» Культивирование диаспорой жизни «здесь и сейчас» предполагало жизнеутверждающую активную включенность художника в настоящее время, а не попытки «бегства» от него в прошлое или небытие «Здесь-бытие» (Т Шехтер) предполагало стремление использовать все возможности текущего времени для самопроявления и творческого самовыражения, желание собственноручно управлять и распоряжаться сегодняшним днем, свободно выбирать и действовать, вопреки законам века создавать свою личную судьбу В то же время в диссертации отмечается, что активное участие рассеяния в единственно имеющей для них ценность настоящей действительности, сопровождаясь ощущением радости развития и роста, одновременно сопрягалось с болезненным чувством усталости, тревоги, подавленности, страха, свидетельствующим о том, что эмигранты лишь заглушали тоску, растворяя ее в жизнеутверждающем принятии настоящего времени

Таким образом, мифологизированное обыденное восприятие пространства и времени свидетельствовало о болезненно-трагическом переживании эмигрантами распада-разрушения повседневности и в то же время способствовало преодолению этого переживания

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечается дальнейшая перспектива разработки проблемы (исследование культуры повседневности русской диаспоры путём анализа её материально-вещного, поведенческого компонентов; рассмотрение деструкции стереотипов войны в культурном сознании эмиграции «первой волны» в 1939–1945 гг)

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

В изданиях, рекомендованных ВАК

1. Воронова, Е. В. Человек в системе аксиологических ориентаций русской эмигрантской повседневности [Текст] / Е. В. Воронова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова – 2007. – Т. 2 – Кострома, 2007. – С. 189–193.

В других изданиях:

2 Воронова, Е. В. Повседневность как текст культуры (принципы и методы изучения) [Текст] / Е. В. Воронова // Пространство культуры в парадигме междисциплинарных исследований: материалы межрегионального научно-теоретического семинара «Культурологические штудии». Вып. 4 / отв ред. проф. Н. О. Осипова. – М., Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 4–8.

3. Воронова, Е. В. Мифологема дома в повседневной культуре русской эмиграции [Текст] / Е. В. Воронова // На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры: сборник научных трудов. Вып. 2 / отв ред. проф. Т. В. Саськова – М. «Экон-Информ», 2005 – С. 179–186

4. Воронова, Е. В. Время как концепт повседневности в мемуаристике русского зарубежья [Текст] / Е. В. Воронова // Повседневность как текст культуры: материалы международной конференции «Повседневность как текст культуры». Киров, 27–29 апреля 2005 года. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005 – С. 236–240.

5. Воронова, Е. В. Культура эмиграции как совокупность текстов [Текст] / Е. В. Воронова // Вестник культурологии: сборник научных материалов студентов и аспирантов. Вып. 3. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 8–13.

6. Воронова, Е. В. Человек в системе ценностных ориентаций повседневной культуры русской эмиграции [Текст] / Е. В. Воронова // Ценности общества и ценности интеллигенции. – М.. РГГУ. – 2006. – С. 101–104

7. Воронова, Е. В. Повседневность и сны русской эмиграции [Текст] / Е. В. Воронова // Пространство культуры в парадигме междисциплинарных исследований: сборник статей – Киров Изд-во ВятГГУ, 2006 – С. 41–50

25

Подписано в печать 05.10.2007 г.
Формат 64x80/16.
Бумага офсетная
Усл. печ. л. 1,2.
Тираж 100 экз.
Заказ № 803.

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674